

Ю. С. Костылев
Екатеринбург, Россия

Yu. S. Kostylev
Ekaterinburg, Russia

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ИОСИПА БРОЗ ТИТО В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

LINGUISTIC IMAGE OF JOSIP BROZ TITO IN THE SOVIET PRESS

Аннотация. Автор рассматривает средства создания негативного образа Иосипа Броз Тито в советской центральной печати времен обострения советско-югославских отношений 1948–1949 гг., анализирует, какими специфическими чертами наделяется образ в рассматриваемых текстах, прослеживает его развитие в указанный период.

Abstract. The author describes how the image of an enemy (Josip Broz Tito) was presented in the Soviet central press during the period of the deterioration of relations 1948–1949. While analyzing the means used in creating this image attention was given to specific features and characteristics that became Tito's descriptions in 1948–1949. This approach makes it possible to trace the development of the image in this period of time.

Ключевые слова: лексикология; образ врага; военная пропаганда; советская центральная печать; Югославия; Иосип Броз Тито.

Key words: lexicology; image of an enemy; military propagation; the Soviet central press; Yugoslavia; Josip Broz Tito.

Сведения об авторе: Костылев Юрий Сергеевич, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания.

About the author: Kostylev Yuri Sergeevich, Postgraduate Student of the Chair of the Russian Language and General Linguistics

Место работы: Уральский государственный университет им. А. М. Горького.

Place of employment: Ural State University n.a. A.M. Gorky

Контактная информация: 620000 г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
e-mail: kubkrok@mail.ru.

В ходе последнего этапа Второй мировой войны в Юго-Восточной Европе власти Советского Союза признали Народно-Освободительную армию Югославии со стоящим во главе Иосипом Броз Тито официальным союзником СССР. В советской печати этого периода Тито был представлен национальным героем Югославии, оказавшим значительную и своевременную поддержку Советской Армии в деле освобождения Юго-Восточной Европы. Он был награжден орденами и медалями СССР и других социалистических стран, что советская печать рассматривала как совершенно логичное и заслуженное завершение его боевого пути.

Однако вскоре советско-югославские отношения стали резко ухудшаться вследствие несогласия Тито со Сталиным по ряду вопросов внешней и внутренней политики Югославии (своеобразный взгляд Тито на организацию Балканской Федерации и Южнославянского Союза, неприятие резолюции Коминформа 1948 г. и т. п.). Результатом стал разрыв советско-югославского Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве и создание негативного образа Тито в советской печати. Анализ этого образа и посвящена данная статья. В качестве источника материала использовались публикации газеты «Правда» с конца июня 1948 г. (заседание Коминформа, осудившего политику КПЮ) по начало октября 1949 г. (разрыв советско-югославского Договора о дружбе). Выборка представлена 157-ю контекстами, характеризующими личность Тито, его поведение и политику.

Характерной особенностью рассматриваемых текстов является то, что враждебное от-

ношение в советской печати формировалось, как правило, не к Югославии в целом, не к Компартии Югославии, а лично к Тито и его ближайшему окружению. Таким образом, мы имеем дело не с созданием образа врага в лице обобщенного представителя какого-либо государства, класса, социальной группы (что часто практиковала советская печать), а с разработкой негативного портрета конкретного человека.

Пожалуй, начало в создании негативного портрета положила статья «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии», опубликованная 8 сентября 1948 г., на начальном этапе советско-югославского противостояния, и подписанная псевдонимом ЦеКа, хотя автором ее является И. В. Сталин [см: Сталин 2006, 18: 509—515]. Публикация выдержана в духе ответа на аргументы противника в политической дискуссии, а не просто текста, создающего образ врага. В ней используются стилистически вполне нейтральные именованности противника. Единоымысленники Тито постоянно (50 раз на протяжении одной статьи) именуются *группой*: «Нынешнее югославское руководство, то есть *группа Тито* — играет на руку империалистам»; «*Группа Тито* пошла на дешевую хитрость» и т. п. Несмотря на нетипичную для советской пропаганды стилистическую корректность такого именованности, оно достигает цели в создании образа врага, подчеркивая отрыв врага от народной массы.

Этот мотив еще более усиливается, когда, 50 раз назвав единоымысленников Тито *группой*, автор в конце статьи начинает использовать термин *фракция*: «Теперь *группа Тито* есть *фракция Тито*»; «*Фракция Тито* сама от-

делила себя от партии» и т. п. Такой прием позволил лексически связать деятельность Тито с деятельностью внутреннего врага в Советском Союзе довоенного периода, поскольку борьба с Зиновьевым, Каменевым, Троцким и др. велась именно под лозунгом борьбы с *фракционизмом* в ВКП(б), и слово *фракция* приобрело явный негативный оттенок. Наконец, в этой статье впервые употребляется слово *клика* по отношению к единомышленникам Тито: «В связи с этим в Югославии открыто говорят^[1], что “группа Тито вырождается в *клику* политических убийц”». Очевидно, именно эта статья и открыла пропагандистскую кампанию, направленную против Тито.

В ходе этой кампании приписываемая югославскому лидеру персональная ответственность в рассматриваемых текстах неуклонно возрастает. Если на первых этапах ухудшения советско-югославских отношений «Правда» еще может говорить о *руководителях* Югославии, без упоминания лично Тито: «Югославские руководители вступили на путь предательства марксизма-ленинизма» (10.07.1948), то в дальнейшем враждебные группы и лица уже определяются, как правило, через их отношение к Тито: «Новое преступление *клики Тито*» (01.07.1949); «Почему молчит *клика Тито*» (17.08.1949); «*Клика Тито* скрывает от народа советскую ноту югославскому правительству» (17.08.1949) и т. п. Лексема *клика* является наиболее частотной для обозначения единомышленников Тито — в рассмотренном материале она встречается 43 раза^[2]. Это можно объяснить явным негативным фоном, который имеет данное слово, и его отработанностью [см.: Костылев 2007] в предыдущие периоды действия советской пропаганды. Столь же активно апробированы лексемы криминальной сферы типа *шайка* и *банда*: «Подлые методы применяет *банда Тито* против албанского Косова» (05.08.1949); «*Банда Тито* <...> требует замолчать, скрыть советскую ноту югославскому правительству» (17.08.1949); «Всем известно имя главаря белградской *шайки*» (25.09.1948). Используется и лексика словообразовательного гнезда *преступник*: «Новое преступление *клики Тито*» (20.07.1949); «*Преступная клика Тито—Ранковича*» (11.09.1949) и т. п. Кроме того, в текстах встречаются указания на конкретные преступления: «Годовщина *убийства* Арсо Иовановича титовцами» (18.08.1949).

Несмотря на то, что за события, происходящие в Югославии, по мнению «Правды», ответственность несет персонально Тито, существует еще одно лицо, упоминание о котором более или менее постоянно включается в тексты. Речь идет об Александре Ранковиче, министре внутренних дел Югославии того периода. Его присутствие в пропагандистских текстах неслучайно, поскольку пост Ранковича предполагает решение силовыми, недемократическими методами любого вопроса, за который он берется, что, естественно, бросает тень в пер-

вую очередь на Тито, пользующегося исключительно услугами Ранковича. Более того, в текстах фамилия Ранковича, как правило, фигурирует в конструкциях типа *клика Тито—Ранковича* и подобных (22 случая употребления конструкции *Тито—Ранкович* на 6 упоминаний Ранковича отдельно): «Несогласие с линией *Тито—Ранковича*» (25.07.1948); «Борьба против *клики Тито—Ранковича* приобретает всё более широкий размах» (11.09.1949); «*Клика Тито—Ранковича* ни единым словом не обмолвилась о поджигателях войны» (11.09.1949) и т. п. Более того, в ряде контекстов фамилии Тито и Ранковича формально выступают как одна двойная фамилия: «*Тито—Ранковичи* уверяют, что партийные массы единодушно идут за руководящей головкой ЦК КПЮ» (25.07.1948); «Это называется у *Тито—Ранковича* внутривластной демократией» (25.07.1948). Такой прием позволяет представить Ранковича в качестве своеобразного alter ego Тито и, в конечном счете, указать именно на ответственность последнего за силовые пути решения вопросов.

Важной особенностью портрета Тито, отличающего его от образов других врагов за пределами СССР, является применение к нему не только шаблонов, описывающих внешнего врага, но и средств, которыми характеризовались внутренние враги в 1930-е гг. Причина такого синтеза вполне понятна, поскольку, с одной стороны, страны соцлагеря подавались как часть единой социалистической системы, с другой же, Югославия все-таки была суверенным государством с независимой внутренней и внешней политикой. Естественно, основным мотивом, характеризующим действия Тито, при таком подходе становится мотив предательства. Совмещение элементов образов внешнего и внутреннего врага в одном образе позволяет двояко толковать этот мотив: как предательство по отношению к своему собственному народу (что было характерно для образов глав враждебных государств в советской пропаганде) и как предательство по отношению к тем, кто разделяет поддерживаемую «Правдой» идеологию. Этот мотив разрабатывается прежде всего при помощи лексем *предательство* и *однокоренных* (10 случаев употребления): «*Предательская* политика банды Тито—Ранковича» (11.09.1949); «Фашистская *банда Тито—Ранковича* *предала* словен» (11.09.1949); «*Клика Тито* как в свое внешней так и внутренней политике успела пройти весь путь *предательства* югославского народа» (23.08.1949); «Народы Югославии разрушат преступные планы *предателя* Тито и его банды» (19.08.1949) и т. п. Лексическим маркером сферы предательства, относящим Тито к лагерю именно внутренних врагов, является также именование его самого и его единомышленников *иудами* или отсылка к образу этого апостола-предателя: «Титовские *иуды* из Белграда предали дело социализма и демократии» (11.09.1949); «Тридцать сребрени-

ков» (19.09.1949 — подпись под карикатурой об американском займе Югославии) и т. п. Это именование в СССР закрепилось за Троцким как за внутренним врагом (ср. ленинское *Иудушка Троцкий*, восходящее к щедринскому Иудушке Головлеву, но в сознании читателей несомненно имеющее и отсылку к Иуде, предавшему Христа) в ходе процессов 1930-х гг. Отсюда и прямое указание на троцкизм Тито: «*Троцкисты* из югославов пришли к власти» (21.09.1949). Эксплуатацию темы предательства мы видим также в использовании характеристик типа *двурушник*, *дезертир*, *удар в спину* и подобных: «Советские ноты <...> разоблачили всю отвратительную *двурушническую* политику Тито-Ранковича» (11.09.1949); «Тито, *дезертировавший* из лагеря социализма» (16.09.1949); «Клика Тито наносит *удар в спину* Народно-Демократической Греции» (19.08.1949). Еще одним активным элементом, использовавшимся «Правдой» ранее при характеристиках внутреннего врага и употребляемом в отношении Тито, является указание на его *национализм* (либо *буржуазный национализм*). В предыдущие периоды осуждаемый советской пропагандой буржуазный национализм противопоставлялся пролетарскому интернационализму, а сам термин активно употреблялся по отношению к внутреннему врагу. Хорошо знакомая адресату к рассматриваемому времени, такая характеристика вписывала Тито в ряд уже известных врагов: «Куда ведет *национализм* группы Тито в Югославии» (08.09.1949); «*Буржуазно-националистическая* политика клики Тито» (11.09.1949). Особенностью применения данной характеристики в отличие от периода 1930-х гг. является то, что ранее она применялась, как правило, к группе людей, действительно объединенных по национальному признаку, теперь же — по отношению к политике главы суверенного многонационального государства, что приводит к некоторому семантическому сдвигу конструкции. Но негативная оценка подобного определения уже была отработана в предыдущие периоды, ее частое употребление (8 случаев в рассмотренном материале) оказывалось вполне результативным для характеристики нежелание Югославии идти в русле советской политики.

Помимо отмеченных выше, для создания портрета Тито использовались и другие средства, традиционные [см.: Костылев 2009; Костылев 2010] для послевоенного периода развития пропаганды.

Основным из таких средств является употребление лексем, относящих врага к фашистскому движению и одновременно обвиняющих в следовании англо-американской политике. Вместе с тем новому врагу приписывается тесное сотрудничество с уже известными и действующими в обозначенный период врагами. При указании на связь Тито с фашизмом используется не только лексика этого корня (типа: «Режим Тито переродился в *фашистский* режим»

(01.09.1949); «*Фашистская* банда Тито-Ранковича» (11.09.1949)), но и подчеркивается схожесть политики Тито с политикой конкретных исторических деятелей: «Титлеру от *Гитлера*. *Фашистская* эстафета» (03.09.1949, подпись к карикатуре); «Страшное дело неудавшегося кандидата во властители мира *Гитлера* продолжено кандидатом во властелины Балкан и Дуная — Тито» (16.06.1949). Силловые структуры, подчиненные Тито, могут сравниваться с *гестапо*: «Покончить с ненавистным *фашистско-гестаповским* режимом Тито-Ранковича» (11.09.1949).

Средства, обозначающие связь Тито с англо-американской политикой, более разнообразны. Возможно простое именование представителей стран, с которыми *сотрудничает* Тито: «Предательская клика Тито теперь открыто *сотрудничает* в греческом вопросе с *американцами* и *англичанами*» (20.07.1949). Но, как правило, избираются более эмоциональные и метафоризированные средства обозначения этой связи при помощи лексики различных частей речи, такие как *сговор*, *колонизация*, *наемник*, *слуга*, *марионетка*, *хозяин*, *цепной пес*, *на поводу* и т. п. При этом сами англо-американцы могут именоваться *империалистами*, *милитаристами* либо обозначаться при помощи характерных топонимов, эргонимов и личных имен типа *Вашингтон*, *Уолл-Стрит*, *Пентагон*, *Даллес* и т. п.: «Тито — *слуга американских империалистов*» (05.08.1949); «Тито — *марионетка Вашингтона*» (13.08.1949); «Сговор предателя Тито с *английскими империалистами*» (15.08.1949); «Сговор Тито с *американскими милитаристами*» (03.08.1949); «Клика Тито — банда *наемников* на службе *империалистов*» (19.08.1949); «Тито *на поводу* у *американских империалистов*» (04.08.1949); «*Американская колонизация* Югославии с помощью клики Тито» (19.08.1949); «Крушение преступных планов *Даллеса-Тито-Райка*^[3]» (24.09.1949). Практиковалось и совмещение идей фашистской сущности и службы американцам в отношении Тито: «*Фашистский пёс* и его *хозяева*» (01.01.1949, подпись к карикатуре, под хозяевами подразумеваются именно американцы); «Агенты *Уолл-Стрита* и *Сити* всё более открыто *хозяйничают* в Югославии под покровительством *гестаповско-полицейского* аппарата клики Тито-Ранковича. Эта клика встала в один общий лагерь с *империалистами*» (11.09.1949). В этот период советской пропагандой вводится в оборот понятие *маршаллизация*, подразумевающее экономическую зависимость какой-либо страны от Запада. Это понятие начинает применяться и к Югославии: «Клика Тито подготавливает *маршаллизацию* Югославии» (01.07.1949); «Югославия по милости шайки Тито-Ранковича становится типичной *маршаллизованной* страной» (11.09.1949).

В информационной сфере основными пресуппозициями Тито объявляются *ложь*, *клевета*

и провокации^[4], а также поджигание войны: «Албанская газета о новых провокациях клики Тито» (20.07.1949); «За последние дни югославские буржуазные националисты и греческие монархо-фашисты совершили целый ряд провокационных актов против Албании наряду с провокационной и клеветнической кампанией» (26.07.1949); «Тито в роли провокатора и поджигателя войны» (19.08.1949); «Преступная клика Тито врет, клеветает на Советский Союз» (11.09.1949).

Довольно часто (в рассмотренном материале 15 раз) в текстах используется лексема *агент*, которая может именовать как самого Тито, так и его приспешников: «Тито и Райк — агенты американских империалистов» (10.09. 1949); «12 офицеров были перехвачены агентами Тито» (12.08.1949). Частотность лексемы объясняется тем, что с начала века до рассматриваемого периода у этого слова формировались явные негативные коннотации через его включение в сочетания типа *агент охраны*, *агент империализма*, *агент разведки* и т. п. Такие же негативные коннотации имеет и используемая лексема *жандармы*: «Жандармы Тито производят аресты среди офицеров» (12.08. 1949).

Как и многие главы враждебных Советскому Союзу послевоенных государств, Тито обвиняется в развязывании *террора* против граждан своей страны, что говорит о его недемократичности, в отличие от постулируемой демократии в социалистических странах: «Съезд Компартии Югославии проходил в условиях жестокого террора» (25.07.1948); «Резолюция настаивает на освобождении Вукелича вместе с другими жертвами террора клики Тито» (21.11.1948); «Иманович резко критикует террористический режим, установленный кликой Тито в Югославии» (17.08.1949); «Титовские власти их [греческих беженцев] терроризировали» (03.09.1949). Лексика этого словообразовательного гнезда также встречается весьма часто (14 раз на рассмотренном материале). Частично та же идея реализуется при использовании лексемы *палач*, которая к тому же активизирует восприятие уже указанного мотива убийства: «Агентами Ранковича, выполняющего в клике Тито обязанности главного палача, был убит <...> Арсо Иованович» (26.09.1948); «Палачи Тито-Ранковича применяют пытки» (11.09.1949).

Таким образом, мы видим, что языковой портрет Иосипа Броз Тито в советской центральной печати включает в себя многие элементы, характерные для образов других врагов, созданных советской пропагандой. Особенность портрета именно Тито заключается в том, что именно в его образе наиболее полно представлена идея персональной ответственности главы государства за происходящее в стране — в случае с Тито мы можем говорить именно о его индивидуальном портрете, тогда как обычно в советской пропаганде традиционно созда-

вался образ некоторой (как правило, весьма немногочисленной) группы противников. Другой специфической чертой данного портрета является то, что при его создании используются средства, характерные для образов не только внешнего, но и внутреннего врага, традиционно используемые в советской пропаганде. Такая комбинация элементов объясняется тем, что Тито был не просто главой суверенного государства (что требовало использования средств создания образа внешнего врага), но представителем мирового коммунистического движения (что позволяло рассматривать его как врага внутреннего).

ЛИТЕРАТУРА

Костылев Ю. С. Образ пространства Финляндии в советских стихотворных пропагандистских текстах периода «Зимней войны» // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб., 2007. С. 234—237.

Костылев Ю. С. Образ корейца в текстах советской центральной печати периода войны в Корее 1950—1953 гг. // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». 2009. № 10 (44). С. 77—81.

Костылев Ю. С. Образ китайца в текстах периода гражданской войны в Китае 1945—1949 гг. // Политическая лингвистика № 1 (31). 2010. С. 163—166.

Сталин И. В. Сочинения. — Тверь, 2006.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Показательна здесь ссылка на югославские источники — прием, использовавшийся «Правдой» в дальнейшем при характеристике Тито. Суть его состоит в том, что первоначально стилистически окрашенные лексемы употреблялись «Правдой» только со ссылкой на зарубежные источники, что создавало видимость корректного отношения к Тито со стороны советской печати и плохо контролируемого гнева и презрения к Тито в соцлагере. Это, в свою очередь, создавало впечатление интерсубъективного негативного отношения к Тито и позволяло советской прессе выступать в качестве непредвзятого и хладнокровного арбитра. После «обкатки» лексем в переводах зарубежных статей они начинали использоваться и в собственных материалах «Правды».

[2]. Навязчивость этого штампа нашла отражение в советском фольклоре; ср., например, анекдот: «Хрущев помирился с Тито и пригласил его в Москву. На вокзале его встречало много народа с цветами и плакатами. На одном из плакатов было написано: “Да здравствует клика Тито!”»

[3]. Ласло Райк — министр иностранных дел Венгрии, осужденный и расстрелянный 22 сентября 1949 по обвинению в шпионаже и диверсиях в пользу Югославии, США и Великобритании. С помощью процесса Райка советская печать получила возможность сделать образ Тито еще более негативным.

[4]. При этом, как и в случае с образами других врагов, из контекстов не всегда ясно, что именно считать провокацией — акт в информационной или материальной сфере. Зачастую под провокацией можно понимать практически любое действие врага.

Статью рекомендуют к публикации проф. Н. А. Коновалова и проф. М. Э. Рут